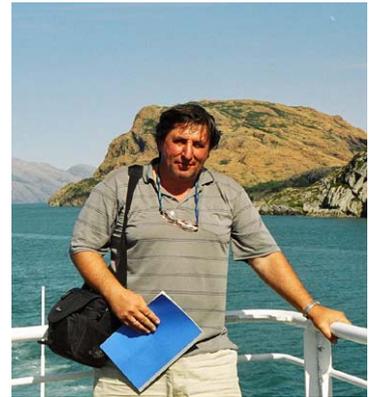

Евгений Плоткин

О Японии - с любовью

О ЯПОНИИ – С ЛЮБОВЬЮ

*Мы любим – иронизируя
И иронизируем – любя*

Япония всегда была страной, близкой сердцу русского человека.

Всю жизнь слыша о незнакомой ему японской матери, он пытается узнать: кто же она?! В моменты сильного эмоционального напряжения наш человек произносит ее имя, как бы ища выход обуревающим его чувствам. Так выглядит Эдипов комплекс в национальном исполнении.

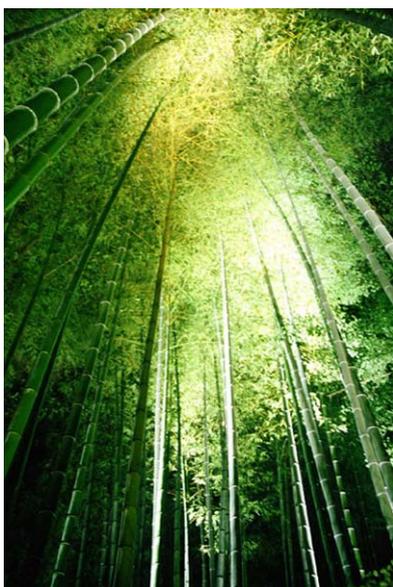
Фоменко наверняка бы доказал, что выражение "япона мать" произошло от русских князей, прошедших с дружиною до стен Киото. После фальсификации истории этот путь стал называться "из варяг в греки". Варяги – конечно же, славяне, ну а греки – это прото-японцы...

В 70-х, когда я был студентом, а Фоменко – просто замечательным топологом и художником, некое понятие о японской культуре и традициях было в нашей среде почти обязательным. Полагалось читать Акутагаву и Кавабату, смотреть Куросаву, спорить о различиях между синто и буддизмом, знать пару-тройку танка (или танок?) и, на худой конец, помнить, в какой именно момент штабс-капитан Рыбников произнес "банзай"...

Мир движется, и теперь народ со вкусом спорит о различиях между суши и сасими, между Тойотой и Ниссаном, между Мураками и Мураками. Мир изменился – это странно и немного сюрреалистично. Мир изменился, и вот уже Япония всплывает огнями Нариты... Неужели мир в самом деле изменился?

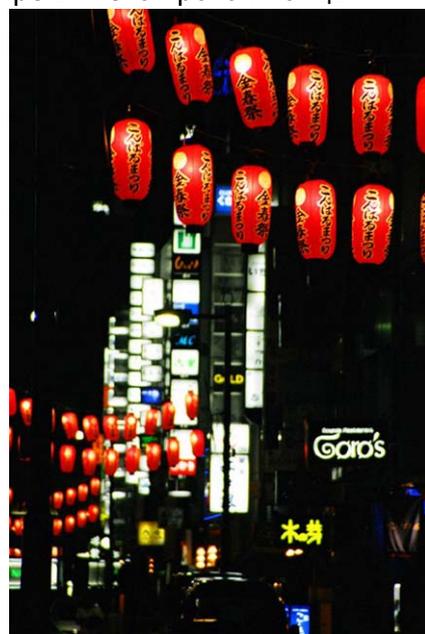
Япония – удивительная, сколько раз я здесь... третий уже, а все интересно.

Вот рядом со мной пробежал таракан размером со среднего японца. Если бы я не видел таких в Израиле – охренел бы... А так – ничего... тоже тварь божья, хорошо, хоть не раскосый.

Сегодня я был атакован и укушен цикадой. Цикада по-японски – чикадо, как, впрочем, и икра – икора. Чикады эти издают звуки изрядных децибел. Шумят, орут, пилят, скулят, летают, бьются о фонари. Дряни страшноватенькие, на запеченого сверчка непохожие. Говорят, сейчас год чикадо.

Уже позднее Юра Кокотов, тонкий знаток биологии цикад, объяснил, что цикады 16 лет проводят под землей, а потом на 17-й год вылезают на свет для продолжения рода. Причем ничего в это время не едят, так как нет у них рта, а все время трахаются, как заведенные. Так что я был не укушен цикадой, а... Впрочем, это если цикада была мужского рода. А у женских имеется длинный пилообразный яйцеклад, которым она пилит... разные сучки и веточки. Так что в качестве альтернативы – меня приняли за веточку...

...Как и в прошлый раз, Токио не производит приятного впечатления – громадный, достаточно тяжелый город, и даже храмы среди домов выглядят не совсем на месте. На улицах невероятное количество молодежи – парочки гуляют, глазают на витрины, едят, пьют пиво и кока-колу. Ни людей среднего возраста, ни, тем более, старшего, по вечерам практически не видно – будто вся страна состоит из одной молодежи. Впрочем, определить возраст японца на глаз – это задача для настоящих знатоков. У нас годы откладываются в уголках глаз, на шее, блестят лысиной. А у них?..

В Японии странное отношение к своим традициям. Оно искреннее. В начале августа вся страна садится в поезда для воссоединения. Наступает время, когда души предков возвращаются к своим далеким родным. Видимо, это и объясняет многие нюансы, которые мы вообще не чувствуем и не замечаем. Например, как подписана открытка, какими иероглифами, на какой бумаге, именем или фамилией, с титулом или без. Сейчас стало модным надевать для прогулок традиционную одежду. Если раньше кимоно надевали лишь на церемонии, то теперь люди по вечерам в них гуляют. А на ногах у них эти колодки...

сразу же вспоминается Прокруст, инквизиция, испанский сапог, Мазох с его учением... Но японки идут себе в таком виде по Синдзюку – и щебечут, щебечут, щебечут.

Потрясающие все же создания – японки. Чувствуется железная воля и генетическое умение управлять мужиками. Еще бы к этому и ноги... так как личики чио-чио-сановские не редкость... но вот ноги... Зашли в магазин – здесь даже босоножки продаются косолапых фасонов, со ступнями, вывернутыми внутрь. Ну, если в таком на ногах ходили 1000 лет, то я снимаю шляпу перед Дарвином. Куда там эволюции галапагосских черепах!...

Вспоминается старый анекдот: в чем разница между раем и адом? Рай – это японская жена, китайский повар, английский дом и американский туалет. Ну, а ад – это, соответственно, американская жена, английский повар, китайский дом и японский туалет. В каждой шутке есть доля шутки, и о туалетах речь впереди, но вот японские женщины...

Я уверен, что если перед японкой и нашей поставить рядом две горящие избы и двух коней, то японка "сделает" нашу, из русских селений, "на раз". И в горящую избу войдет, и погасит, и коня остановит, и оторвет ему все, что сочтет нужным. Жалко, Некрасов не был в Японии, уж он бы такое написал...

Как-то раз я ходил в Японии в поход. Дело было в городе Цукубе, а шли мы на гору с таким же названием. В то время, в 1996 году, в Университете Цукубы была активная социальная жизнь и популярностью пользовались кружки кулинарии и русского языка. Я работал с Джуном Моритой, и Джун решил на уик-энд задействовать меня по полной программе. Приходит он и говорит, что запланирован урок русского языка, а затем поход и приготовление пельменей в полевых условиях. Будет человек 40...

Я помянул япону мать, но понял, что

отступать некуда и надо идти на это дело. К тому времени я уже проходил как "Женя-сан, русский человек из Израиля", и честь двух народов была поставлена на карту.

Ну, допустим, я их накормлю – надеюсь, ребята застрахованы...

Пельмени... Помню, с бабушкой в Свердловске я лепил пельмени, помню, мучной дух щекотал ноздри, скалка бегала взад-вперед по столу, а я стаканом нарезал кругляшки из теста. Черт, как будет по-японски скалка?..

С уроком русского языка все понятно. Надо научить их словам "хорошо", "спасибо", и "очень вкусно". Это пригодится, когда пельмени будем делать.

Тут Джун вручает мне русско-японский разговорник, в Японии изданный, открывает его на произвольной странице, а там аккуратно так слева по-русски написано: "Скажите, пожалуйста, как мне пойти на... (в)?..." – и перевод справа по-японски. Перевод я не читал, сглотнул и говорю Джуну, что ошибка тут в многоумной книжке, что если многоточие, то адрес указан совершенно конкретный; вот если бы было написано "как мне пойти на футбол" или "в театр" – тогда другое дело, а вот если многоточие... то адрес всегда один и тот же. Реакции японцев зачастую предсказуемы. Джун, даром что профессор математики, а все же, как ребенок, спрашивает: "А какой?" Ну, как ему объяснить... Это все равно, что объяснять немцу одесский анекдот, когда Сара говорит пославшему ее "на..." мужику: "Сам пошел ты на..., я там провела больше времени, чем ты на свежем воздухе"...

В конце разговорника были ноты и три любимые японские песни: "Катюша", "Подмосковные вечера" и "Тройка". Мы с Джуном решили, что в конце урока будем петь. У японцев в среднем великолепный слух. Во всяком случае, по сравнению с моим. А поскольку помимо хираганы существует и катакана, то и слова они произносят правильно. Но ни черта при этом не понимают.

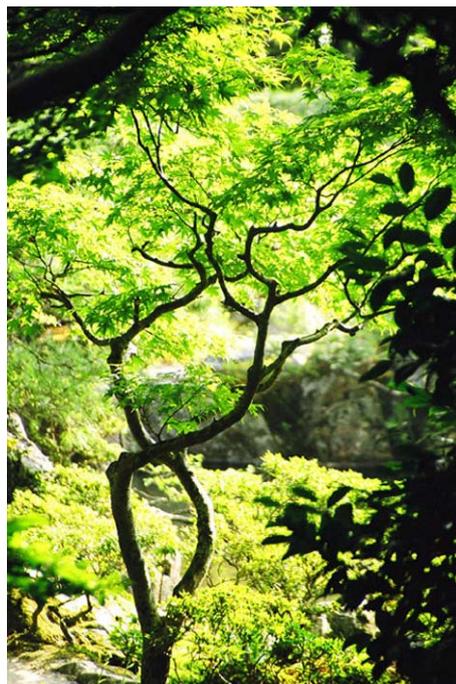
Короче, выучили мы на уроке русского положенное "очень вкусно" с примерами, пошли дружно "в театр", а потом приступили к пению.

Я уже потом понял, почему японцы так русские песни любят. Потом – это когда японские услышал: как-то раз мы сидели в деревенском доме, на очаге жарились на палочках кальмары, дым, полный незнакомых запахов, уходил по-черному в дыру в потолке, выпивали немного... Тут хозяин достал шестиструнную гитару и запел. Видно, ему стало хорошо. Я спросил у соседа, о чем эти песни. "О-о, это веселые студенческие песни!" Тогда я и понял, почему они так любят "Калинку" и изобрели караоке.

Так вот, мы запели про "тройку удалую и ямщика", ну и всю остальную печальную историю. Хорошо пели, на много голосов, но только почему-то в мажоре, с элементами марша. Я спросил у Джуна, почему в мажоре – история, в общем-то, описывается невеселая, гнусная история... Джун, как обычно, спрашивает: "А какая?" С одной стороны, хорошо, конечно, что это была "Тройка", а не "В эту ночь решили самураи перейти границу у реки...", но с другой – строки "лишь нехристь староста-татарин ее бранит, а я терплю" тоже не сахар. Объяснил классу, как мог, основную канву, ну а с "нехристями" все оказалось просто – "это вы и есть, ребята..."

В век электричества и пара можно спросить рецепт пельменей по электронной почте. Из родного Питера пришла выписка из Молоховец: "Берете мясо дикого зверя, желательно лося, режете и складываете горкой ... потом идете в ближайший гастроном и покупаете 7 пачек пельменей и 2 банки сметаны..." – сволочи, издеваются, можно подумать, в Цукубе есть сметана...

В поход мы вышли, как надо – с палатками, рюкзаками, Тойотами, грудными детьми. Так уж совпало: здесь есть в Университете некое общество друзей природы, и они раз в месяц ходят "out" –

т.е. с палатками на специальное место на горе Цукуба, там и ночуют. Едят, в основном, и воздухом дышат, но очень упорядоченно, как и все у японцев. Еще горькую пьют – саке, или что там есть, но тоже вяловато, без размаха, хотя и балдеют слегка.

Ну вот, приехали с утра. Сперва гадюку местную нашли, мамуши – жутко ядовитая пакость, а с виду неказистая. Так и в жизни бывает... Пришили, конечно.

Потом я рыжики обнаружил, натурально, как у нас – рыжие и червивые. Потом долго объяснял, что такое рыжики в сметане, и что такое сметана, и что такое микориза – почему рыжики под соснами растут. Все слушают, серьезно так, внимательно. Пошарили по лесу, принесли по виду пару поганок и гриб: на мой взгляд, цезарский гриб – есть такой редкий гриб, но я бы есть поостерегся. По виду мухомор мухомором, кто его знает, что там Цезарь ел со своей Клеопатрой.

В японских магазинах масса грибов, все на вид несъедобные, а ведь дорогие как собаки, есть экземпляры – 50\$ штука! Не трюфеля, но все же... Потом, уже у Цукубского храма, я встретил грибных экспертов с лицензиями – грибов в Японии едят много, но как-то без куража, совершенно отсутствует русская духовная направленность "третьей охоты": грибы, как грибы – пища...

Лучшие грибы привозят из Кореи, и, как ко всему корейскому, отношение к ним неоднозначное. В японском варианте "откуда есмь пошла земля японская" существует два базисных направления: одно – что японцы тысячелетия назад переправились на острова из Кореи; ну, а другое состоит в том, что они самозародились на островах небесным провидением. Официальная версия, конечно, вторая...

Так вот, костер мы разводили, палатки ставили.

К вечеру случилось небольшое землетрясение, тряхнуло ощутимо. Но "Катюшу" запели... потом уж "Стеньку Разина", "Дубинушку". До "Варяга", правда, не дошли. А что, я недалеко от Цусимы был, в 100 км от Цусимского пролива – очень милое место. Спрашивают меня: а Разин был бандито? – угу, говорю, откуда у вас такие познания в нашей истории?..

Выпили немного, каждый из своей бутылки...

Прихожу в палатку – темно, 2 часа ночи, а там мои сопалаточники уже спят – головами к входу, психи!!! Конечно, в горах, где лавины и штормы, альпинисты именно так и спят, дабы откапываться было легче. Но в нормальной жизни... попробуйте ногами вперед в палатку залезать... Ногами вперед вообще как-то неприятно, да и неудобно. А главное – смысл? Снега здесь нет и до зимы не будет, погода хорошая. Но, видно, их так учили... на случай землетрясения... Я как ногу в темноте занес (49-й размер), так и стоять остался – видно, бог, хранящий дураков и детей, в этот раз был

на стреме, не довел до членовредительства. Так что если кто с японцами спать будет (в палатке) – у входа у них головы, а не то, что у нас...

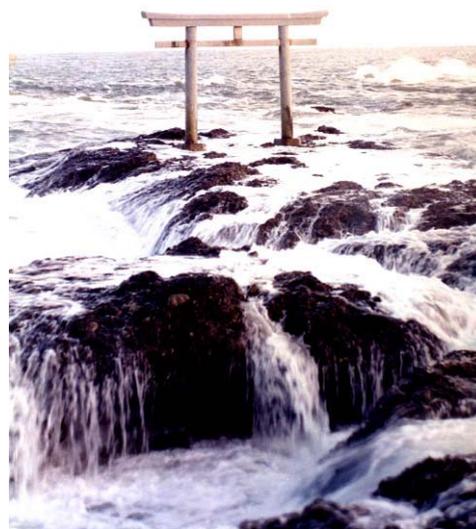
Ну, а наутро были пельмени. Народное русское блюдо.

Рецепт прост: берутся японские женщины, все некрупного размера, и объясняется им в общих чертах постановка задачи, ингредиенты, аналоги. С умным видом. Дальше появляется результат в лучшем виде, и все благодарят тебя за науку... Я думал – все это игра, но когда стали спрашивать, добавить ли муки и соли в тесто, и сколько лука им крошить в фарш, и как именно – засомневался слегка, может, они все это всерьез... Так и не знаю до сих пор...

Съели, впрочем, все 450 пельменей со сметаной местной, 40-процентной, и соусом соевым.

Я слегка обалдел, честно говоря, от всего этого. Хоть не пели песен утром, но в "Крокодила" на японском играть пытались, очень весело...

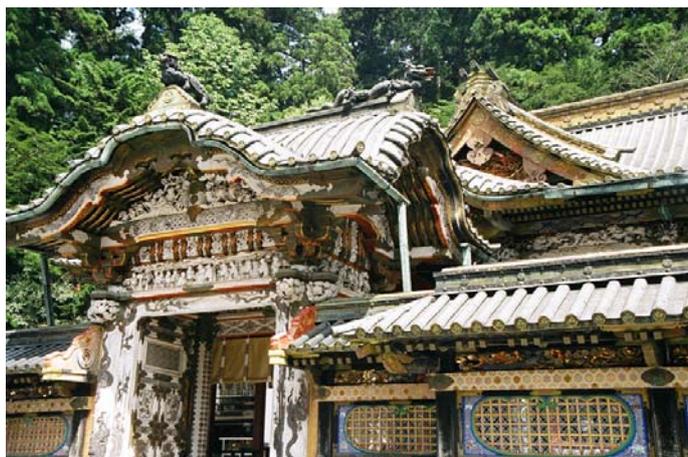
Однажды Джун спросил меня, что бы я хотел увидеть в Японии. И я напросился на поездку вдоль океана. Если есть в Японии что-то могучее, кроме вулканов и борцов сумо, так это – океан. Само ощущение того, что до ближайшей земли 4000 км, возбуждает и волнует. Кое-где на берегу стоят синтоистские храмы. Такой храм всегда снабжен ритуальными воротами – тории, одним из символов Японии. Нужно присесть на покрытый водорослями валун, слегка задержать дыхание и медленно перевести взгляд от ближайшего сейнера к храму. Посередине будет океан, посередине океана – ворота, в них – дымчатое солнце, волны, воздух и бесконечность, вписанные в гиперболические синтоистские формы. Надо посидеть, зажмурить глаза, снова взглянуть на ворота и, стяхнув оцепенение, пройтись по пляжу. Прибой набегает, а затем, как и положено, выдыхается, оставляя на песке массу морской нечисти – крабики, водоросли, ракушки, рыбы. Кругом сохнут сети, японцы в широких белых фартуках деловито сортируют рыбу. Никакой романтики – работа, жизнь, будни... Становится грустно – море меланхолично по своей природе, а океанский прибой реализует эту меланхолию с необыкновенной силой. Интересно, как чувствуют это японцы. Наверное – так же, у грусти мало национальных черт. Хотя... Реакции японцев несколько отличаются от наших. Не думаю, что чувства... наверняка нет, лишь экстерьер у них, у чувств, другой...

В Японии существует поговорка: "Никогда не говори о чем-то, что оно прекрасно, пока не увидел Никко". Никко находится километрах в 150 от Токио на север, это необыкновенной красоты храмовый комплекс в предгорьях еще довольно бодрого вулканического массива.

Мы собрались туда ехать из Цукубы – километров 80 по прямой. На вопрос, как туда добраться, нам, естественно, ответили: Токио, Шинкансен, тур... Короче, поступай по правилам и не выпендривайся, тогда все правильно получится. Неважно, что это будет назад и вбок, главное – что так полагается.

За день до этого я наблюдал как японка парковалась. Ну, парковка пустая, машины стоят в шахматном порядке. Так она заезжала между ними задом – не потому, что так удобнее или легче, а потому, что так учили разные сэнсэи, а им, сэнсэям, виднее. В самом деле – сэнсэям, пусть даже автомобильным, виднее... Запарковалась хорошо, но не сразу.

Желание найти короткий, но не описанный в каких-то дорожных катехизисах путь вызывает смущение, а смущение у японцев выражается, как правило, смехом. Поскольку же любой иностранец просто по статусу заставляет японца постоянно смущаться, то начинает казаться, что вся страна непрерывно смеется. Желание съездить в Никко по прямой безусловно тянуло на хорошую шутку.

В 1991 году в Россию приезжал замечательный математик, профессор Еичи Абе. Среди прочих, он запланировал посетить и нас в Риге. Кроме этого, ему надо было в Барнаул, Алма-Ату и Ташкент. Естественно, в Токио ему продали самый логичный, с японской точки зрения, билет: Токио – Москва – Барнаул – Москва – Алма-Ата – Москва – Ташкент – Москва – Рига – Москва – Токио. То есть, он все время летал через одно место...: через Москву-Домодедово. А поскольку это была не Япония, и все самолеты опаздывали, и стыковок не было, то отмотал он в Домодедово половину срока, то есть как раз суток на 7-8 потянуло. Я спросил его: "Как был полет?" – а он в ответ вежливо рассмеялся. Так он мне ответил шуткой на шутку; жалко, я не понял тогда этого...

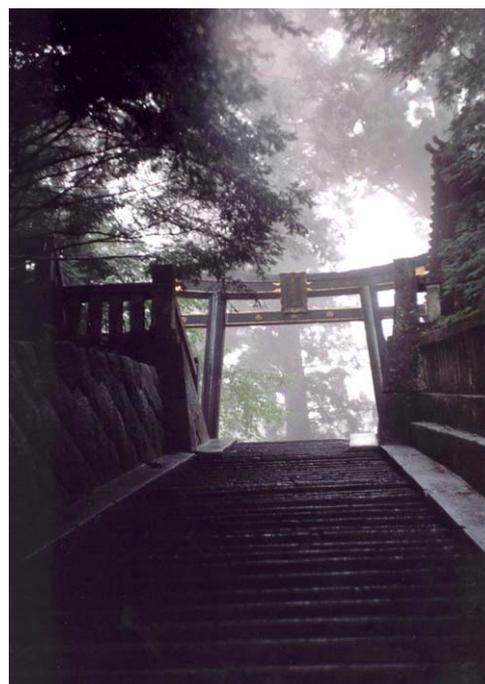
Еще несколько слов о типичных реакциях. Ну, вот спрашиваете вы кого-то на улице, как попасть куда-то. У вас, естественно, в руках карта или путеводитель, а на морде – соответствующее выражение лица. В ответ – смех. Это значит – он даже не понял, о чем вы его спрашиваете, так как ударение вы поставили не там, и понять вас невозможно. И смутили его своим вопросом, так как помочь ему хочется; да что там хочется – это его внутренний долг, но что именно делать, он не знает. Не волнуйтесь, харакири не будет, по крайней мере – пока не будет. Он вытаскивает свою карту, где все по-японски. Долго ищет то, что, как он думает, вас интересует, потом лицо озаряется счастливой улыбкой, и японец говорит: "Информация направо, 500 метров". Все же лучше, чем в старом латышском анекдоте: "Скажите, пожалуйста, где здесь универмаг?", – спрашивает русский. "Идите прямо, потом налево, потом прямо – и как раз будет вокзал", – отвечает латыш...

Однако, это еще не конец действия. Вы идете, куда вас послали, или не идете – в любом случае, минуты через 3 вас кто-то хватает за руку. Не бойтесь, это все тот же беспокойный японец. Все это время он думал, чего вы от него хотели, и думал не вообще, а конкретно, глядя в карту. Наконец, он понял и бросился вас догонять. Он вас найдет! Это для нас они все, как родные братья – для них мы во многом разные. Помните, входят в "Мимино" в лифт Фрунзик Мкртчян и Кикабидзе, а там стоят два совершенно неотличимых японца. Стоят молча, потом Фрунзик и Буба выходят, а один японец говорит другому: "До чего эти русские на одно лицо..." Жаль, к слову, что эту сцену из фильма выкинули. Так вот, поверьте: японец вас заметил, догнал и поможет, как бы вы ни отбивались. Все, это судьба, не надо бороться, надо расслабиться и получать удовольствие. Однажды я спросил в поезде в Нару у одного подростка, где здесь пересадка. В результате он 5 часов водил меня по Наре, не говоря ни слова по-английски, и лишь позднее, на вокзале, я понял, что ему надо совсем в другую сторону...

Если же ваш чичероне говорит немного по-английски, то он обязательно вас спросит, откуда вы. Говорите "Россия, Москва", независимо ни от чего. Так проще, эти слова и по-японски звучат так же, вас поймут. Вам должны обрадоваться, и поэтому будет протяжно-сексуальный возглас: "О-Москва-О-о-Москва, О-о-о-Россия" – и так минуту, не меньше. Не надо удивляться, так же рекламируется все: начиная от пирожков с осьминогами и кончая Феррари – люди на экранах причмокивают, кланяются, стонут, показывая, как им интересно то, что они видят или ощущают...

Джун, несмотря на серьезные семейные проблемы, повез нас в Никко. Никко находится в криптомериевом лесу. Криптомерии (их рабоче-крестьянское название – японские кедры) создают особое настроение еще без всяких храмов. Не помню кто высадил не помню когда в этом районе не помню сколько кедров. Ну, скажем, дело было в 16-м веке, а высадили 60000 деревьев. Это недалеко от истины. Деревья эти выжили, сейчас их штук 13000, они и есть подлинные, осязаемые, живые прото-японцы. Кроны криптомерий уходят высоко, метров на 40-50, и если немного повезет, то на горы сядет туман и стволы начнут растворяться в серой пелене.

Это – самое время подниматься к могиле Токугава, первого сегуна, основателя династии Едо. Серые ступени ведут наверх к храму, и не надо спрашивать, ведет ли эта дорога к храму; эта – ведет! Внизу остается монастырь, а еще ниже – остальная жизнь. Только мхи и папоротники, да ступени. Наверху все те же тории – ворота жизни...

В самом монастырском комплексе есть знаменитый храм Трех Мартышек: "Ничего не вижу, ничего не слышу, ничего никому не скажу"... Мартышка зажимает деревянными крашенными руками свой деревянный крашеный рот – немного игриво, но с подлинной страстью – известно, что головы здесь рубили качественно и быстро. Храмы соединены воротами и переходами, у ворот

стоят то ли собаки, то ли демоны, всегда парные, у одного пасть всегда раскрыта и внушительные клыки вызывают уважение, а у второго всегда плотно закрытый рот. Такая прозрачная символика: север и юг, добро и зло, белые и красные, республиканцы и демократы... Видно, у японцев дуализм был в почете, и ничего третьего, колеблющегося и неясного, им не надо. В Никко очень много крашеной скульптуры, чувствуется сильное китайское влияние. На барельефах изображена чужеземная фауна – слоны, драконы... Слоны исключительно курчавые, с такими буклями вокруг ушей, будто они только что сняли бигуди. Дракоша же – совершенный китаёза из книги детских китайских сказок.

Рядом с храмовым комплексом находится один из самых известных в Японии водопадов – Кегон-но-таки. С непривычки выговорить трудно, но все же звучит лучше, чем Ни-Ши-Ша Кастл, что находится в Киото. Водопад по-настоящему японский: в жерле взорвавшегося вулкана, в обрамлении зеленых тонов струятся шелковые серые нити. Говорят, южнее, в Китае, все такое же, только круче. Не знаю, может быть... Немного жалко, что объем воды в водопаде дозируется специальными приспособлениями. Это как дозированный экстаз – либо экстаз, либо дозированный...

Впрочем, японские туристы тоже не производят впечатление ребят "размахнись рука, раззудись плечо". Галдят, едят, улыбаются – и фотографируют, фотографируют, фотографируют... – "...Террористы захватили автобус с японскими туристами. В настоящее время полиция внимательно анализирует все 30000 фотографий захватчиков..."

Конечно, Никко заслужил свою славу. Как и Камакура, что всего в часе с небольшим от Токио. Там, среди прочих храмов, стоит здоровенный Будда. Говорят, когда-то он стоял в храме, но накатились цунами – и храм смыло, а Будду, естественно, нет. В Будду можно войти и ощутить, каково это – находиться в бронзовом чреве Бога. Японцы в этом лояльны: во чреве, так во чреве, кто его знает, где кончается чрево и начинается... Вообще, это, наверное, здорово – ощутить себя немного Буддой. Наверное – так как я не пробовал, как-то не хочется...

Но все же для меня Япония – это Киото. От Киото дуреешь, и, пожалуй, ощущение от Киото сравнимо с первым посещением Тосканы или материкового Египта. Всюду накаывают волны огромной эстетической силы, Киото – это какой-то тихий шторм, спокойный разгул, несуетливая культурная вакханалия. Здесь всего много, и все очень японское.

Мы жили в Стейшен-отеле. Это очень узкий отель. В нем узкие двери, узкие лифты, узкие комнаты, узкие ванны и унитазы. На татами стоит маленький телевизор, рядом – маленький холодильник, под потолком – маленький кондиционер. Все безукоризненно работает. Кровати и стулья отсутствуют, кайф и погружение в среду – полное. Комната позволяет протянуть ноги на татами и опереться в противоположную стену здания. Не надо пугаться... здесь все сейсмоустойчивое. Но и шевелиться лишнее тоже не стоит – кто его знает, на сколько по шкале Рихтера потянет нога 49-го размера. В ванной моешься – как чешешься, мелкими энергичными движениями. Скользко, но упасть нельзя – некуда. Унитаз, на мой взгляд, рассчитан на 60 кг в базарный день... Во мне – 120. Стоит ли игра свеч? Вот в лифтах пишут – 7 человек или такое-то количество килограмм. Я подполз под унитаз и обнаружил два-три невыразительных иероглифа. И никаких цифр. Ну его к богу в рай, бог терпел и нам велел...

В 1990 году в Киото был Математический конгресс. Денег не было, и я жил в Грин-Пис хостеле. Там обитала в основном странствующая по свету молодежь от 18 до 50-ти. Атмосфера была родная – общага общагой. Русские тогда были еще чем-то вроде редкого зверя, и на нас ходили смотреть, как на медведей. Учитывая, что в комнате жили Левитин, Маркушевич, Плоткин и Шпильрайн, не уверен что постояльцы составили правильный фенотип типичного homo русикус. Было очень жарко и влажно, здоровенный вентилятор деловито гонял горячий воздух по кругу. Постоянно хотелось пить. В комнату зашел Фаршад – вежливый то ли зороастриец, то ли бахаец из Ирана, и научил, что в холодильнике всегда есть лед, а в чайнике можно кипятить чай. Потом смешиваешь и пьешь – тогда не так плохо. Фаршад телосложением больше всего напоминал трость, а бритый череп был на ней набалдашником. Но парень отличный. Он посмотрел на меня взглядом одесского портного, оценил габариты, вздохнул и повел к заветной комнате. В Японии туалеты бывают европейские и японские. В Киото – все японское, и туалеты, и мысли. Но в хостеле менеджер был

искушен и опытен. Короче, на дверях сортира висел шедевр неизвестного художника – инструкция в картинках, что и как надо делать: где объект, где тело и что куда попадает. Тепло располагается лицом к стенке, на корточках, руки вперед. На стене есть ручка и, держась за нее, вы должны изобразить седока на воображаемом коне. Воображаемом – поскольку унитаз отсутствует, лишь где-то внизу раковина и много-много воды. Вся эта теория рассчитана на не крупного японца. А теперь представьте себе, что в вас неубиенных 100 кило, и нога последнего размера, ну и рост... а вас посадили на пони... То есть вы еще есть, а конь под вами уже давно кончился, со всеми вытекающими отсюда последствиями. Филейная часть торчит из двери, не говоря уже о ногах, которые вообще где-то на улице. Вежливый зороастриец оценил все это моментально и провел курс молодого бойца. Теперь я знаю, за чем придумана йога...

Кстати, когда будете в Японии, сразу идите в туалет для инвалидов – в отличие от традиционного, этот как бы создан в 22-м веке. Там масса кнопок, ручек и неизвестных приборов. Все это говорит по-японски и сделано для облегчения жизни. Присядьте и радуйтесь прохладе. Только не нажимайте ничего лишнего...

В Киото обычно стоит проблема выбора – всего много, все хочется увидеть. Надо, конечно, начать с классики. Это Кинкаку-дзи (Золотой павильон) и находящийся неподалеку Рёан-дзи (Сад камней). Проблема большинства японских дворцов и парков – в их совершенности и сбалансированности. Философия просвещенного минимализма идет от дзен-буддизма со всеми его прибабасами и, вообще, от всего японского этико-эстетического канона. Но в первый момент на все это наплевать, так как дыхание замирает от совершенства форм, красок и пейзажа. У Золотого павильона был свой Герострат, что показывает – ничто человеческое японцам не чуждо, или, по крайней мере, психические заболевания у нас с ними общие. Его восстановили, и вот шедевр – золото отражается в пруду, вода слегка колеблется и легкая рябь делает совершенные формы зыбкими, как время. Мгновение – и рябь стихает, и снова золото, и снова совершенные формы. Интересно, ветерок тоже у них заложен в проект?.. Павильон окружают сосны. Зеленое и золотое – скупая гармония, как золото и изумруд, никаких кричащих бриллиантов. Половина пруда заросла лотосом. Лотос здесь желтый, в нем плавают разноцветные карпы и деловито похрюкивают. На камне посреди воды сидит пичуга, и пастораль увеличивается во сто крат. Камень наверняка особый, привезенный издалека, хотя на вид – бульдик бульдиком. Да и птица, конечно, на содержании, но работает элегией хорошо, отменно работает. Посреди пруда – островки, на них небольшие сосны принимают изысканные, но естественные позы. Гармония... Главное – никуда не торопиться.

Я вдруг подумал о стихах Кушнера про "времена не выбирают". А страны? А религию? Мораль? Философию? Что вообще можно выбрать? Вот 16-й век, феодал Имярек-гава сидит и думает, что ему, собственно, делать. Душа горит, чего-то просит. И он задумывает Золотой павильон. Или Сад камней... Ну просто вдумайтесь: 16-й век на дворе, Иван Грозный, опричнина, дворянин Малюта Скуратов размышляет о смысле жизни... Наверняка и Малюта, и Имярек-гава – бандиты, стоящие друг друга, но какой разный антураж – как будто времена на дворе разные...

На самом деле Имярек-гаву звали Йошимицу Ашикага, жил он в 14-м веке, был сегуном в ужасающее время – голод, эпидемии, войны... Может, он был порядочным и добрым человеком? Не знаю, хотелось бы... Ну, а Малюту что вспоминать – убийца.

Рёан-дзи, Сад камней, ассоциируется с дзен-буддизмом. Там 15 камней – число в дзене, символизирующее совершенство. Число как число, 3 на 5, хорошее число. Ни из какой точки все 15 не видны. Символика проста и очевидна – еще древний грек говорил в парадоксальной форме о неполноте наших знаний. Но какое изящество воплощения общеизвестной философской идеи! Там так тихо!.. Люди сидят на ступеньках и смотрят на камни. Странно. Если бы это было море... Но камни... среди застывшего прибоя серого гравия. Больше всего это напоминает камерный концерт. Солистов – 15, а музыки не слышно. Всем не

Рёан-дзи, Сад камней, ассоциируется с дзен-буддизмом. Там 15 камней – число в дзене, символизирующее совершенство. Число как число, 3 на 5, хорошее число. Ни из какой точки все 15 не видны. Символика проста и очевидна – еще древний грек говорил в парадоксальной форме о неполноте наших знаний. Но какое изящество воплощения общеизвестной философской идеи! Там так тихо!.. Люди сидят на ступеньках и смотрят на камни. Странно. Если бы это было море... Но камни... среди застывшего прибоя серого гравия. Больше всего это напоминает камерный концерт. Солистов – 15, а музыки не слышно. Всем не

слышно, зато каждому в отдельности исполняется своя партитура. Очень много спокойной энергии. Все сродни церкви, но только сильнее, так как естественнее и проще.

После Золотого павильона полагается посетить Серебряный Павильон, т.е. Гинкаку-дзи. Первый раз я его увидел в 1990 году, второй – 7 лет назад, и вот третья встреча. Тогда, во время конгресса, я просто сачканул рабочий день и пошел пешком по Киото. В белый свет, как в копеечку. Было раннее утро, и вдруг из опавшей листвы на опушке полу-леса – полу-парка поднялась голова здоровенной змеи с розовой шеей и неприятным взглядом. Не помню, как я оказался метрах в двадцати от места встречи. Было страшновато, но я, достав фотоаппарат, вернулся. Змея была потрясена и рванула в листву. Я успел сделать снимок. Змеи на нем не видно, но виден метровый извилистый след в опавшей листве. Я много потом спрашивал японцев, кто это был – все разводили руками; не существует таких в Киото, и вообще в Японии – не существует. Так я и остался редчайшим обладателем снимка следа неизвестной змеи. Наверное, это был мираж, было ведь жарко. Но вот снимок...

Так и Гинкаку-дзи – в тот августовский день, увидев его впервые, я испугался: вдруг и он исчезнет, подобно аспиду, и я не смогу передать эту неправдоподобную красоту моим близким. Прошло 14 лет...

Конечно, нет той страсти, того "ах", того безумия первой встречи. И чувства, и мы сами слегка заматерели. Вместо "ах" порой вырывается "ох" – одна буква всего, а как много в этом звуке!.. Но Гинкаку-дзи снова бьет наповал. Там доминирует сад. Японский сад построен на взаимодействии трех элементов: статичности растений, подвижности воды и переменчивости света. Нюансы переходов между ними отточены веками. В саду много мхов, лишайников, папоротников. Их причудливые сочетания покрывают землю, камни, склоны и плоскости. Мхи подметаются специальными метелками, чтобы случайный упавший лист или заблудившийся муравей не нарушили их совершенную форму. Все виды бансаи призваны уменьшить вселенную до осязаемого размера, сделать совершенство как бы карманным, не где-то там далеко, в вышине, а вот – рядом... Вода – она должна журчать, пробираясь по бамбуковым водовадам, должна блестеть свежестью на солнце и, превратившись в ручей, должна впадать в пруд – символ спокойствия и величавости. В пруду цветет хоть один, но лотос. Иначе какой это дзен!.. Остролистные клены, разлапистые сосны – все они не могут расти в японском парке, как казак в поле, т.е.

вверх, к солнцу. Посмотрите на клен – если ветка растет плоско, то заходящее солнце зажжет целый шатер над головой зелеными всполохами. А если к тому же и осень... или восход... – все учтено, все продумано, даже немного скучно становится в этом мире совершенства. Говорят, сегун Ашикага все так и задумал, устав от политики и сосредоточившись на чайной церемонии и созерцании лунного света. Конечно, нет ничего естественнее для сегуна на пенсии, чем пить чай и смотреть на луну.

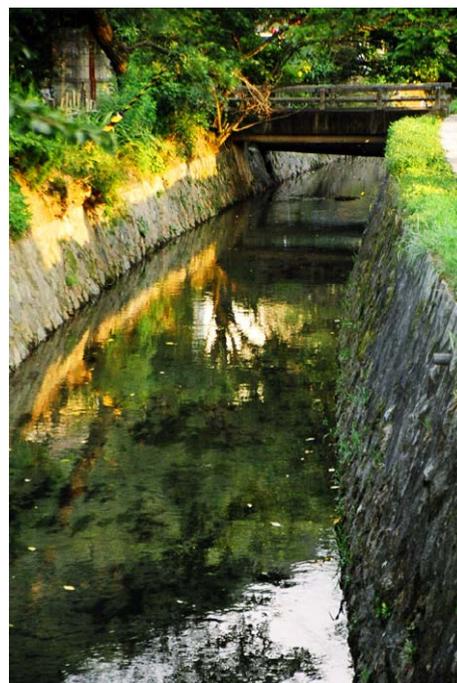
вверх, к солнцу. Посмотрите на клен – если ветка растет плоско, то заходящее солнце зажжет целый шатер над головой зелеными всполохами. А если к тому же и осень... или восход... – все учтено, все продумано, даже немного скучно становится в этом мире совершенства. Говорят, сегун Ашикага все так и задумал, устав от политики и сосредоточившись на чайной церемонии и созерцании лунного света. Конечно, нет ничего естественнее для сегуна на пенсии, чем пить чай и смотреть на луну.

вверх, к солнцу. Посмотрите на клен – если ветка растет плоско, то заходящее солнце зажжет целый шатер над головой зелеными всполохами. А если к тому же и осень... или восход... – все учтено, все продумано, даже немного скучно становится в этом мире совершенства. Говорят, сегун Ашикага все так и задумал, устав от политики и сосредоточившись на чайной церемонии и созерцании лунного света. Конечно, нет ничего естественнее для сегуна на пенсии, чем пить чай и смотреть на луну.

От Гинкаку-дзи вниз идет "путь философов". Слева его облепляют монастыри, справа домики, ручей течет, разграничивая эти два мира. Но через ручей проложены мостки, и граница эта так условна...

"Путь философов" упирается в Гион, а дальше уже недалеко до Киомидзу-дера. Киомидзу-дера – это буддистский храмовый комплекс высоко на холме, к которому ведет ситуативная улочка Киомидзу-зака. От храма открывается вид на город, и, говорят, во время цветения сакуры дух захватывает от розового цвета, обрамляющего темно-красные силуэты храмов. Мы были в августе. Была довольно мерзкая погода, собирался дождь, духота предвещала грозу. Но люди шли и шли к храмам, выбирая тот, который по вкусу. У нас буддистские пристрастия были в зачаточном состоянии, и мы просто шли, пока не уткнулись в Храм любви.

Это не совсем то, что приходит на ум. Имеется соответствующая синтоистская богиня (бог), инкорпорированная, как это водится, в буддистский пантеон. Она отвечает за любовь, семью, очаг – никаких глупостей. Посреди храмовой площади стоит камень. Надо закрыть глаза и,

стартовав метрах в двадцати от него, дойти до валуна. Тогда придет любовь. Желательно еще трижды хлопнуть в ладоши, чтобы наверху не забыли и отметили просителя. В Японии вообще с этим строго – приходишь к храму, просишь, бросаешь деньги, дергаешь за колокол и хлопаешь в ладоши. Все – ты сделал все, что надо, остается ждать, пока просьба дойдет до адресата. Хочешь чистой и светлой любви – иди к камню с завязанными глазами. Никаких тебе гейш, мойш, рикш.

Видно, мы попросили не совсем так, как положено, и на улице Киомидзу-зака мы наткнулись на гейшу в сопровождении кавалера. Вообще-то в этом нет ничего неожиданного – в Гионе находится школа гейш, но... Как говорил попугай, следивший за любовными утехами хозяев: "Сделайте из меня чучело, я должен это видеть..."

Это должен видеть каждый! Гейша шла, как плыла, а толпа расступалась, ощетинаясь вспышками фотоаппаратов. На лице спутника была улыбка, хороший костюм, дорогие штиблеты, легкая гордость и почтение. Все было приклеено к лицу, так как гейша – это канон, который по умолчанию распространялся и на поведение нанявшего. Лицо гейши не выражало никаких эмоций; собственно, это было не лицо, а маска – сплошной белый грим, нарисованные брови, очерченные губы. Сзади видно, что грим идет и на шею специальной дугой, оставляя незакрашенным параболический кусок нормальной загорелой кожи. У каждого народа своя эрогенная зона – в эпоху кринолинов "ножка" безумно возбуждала Пушкина (ему, впрочем, не много надо было...), у японцев этим местом, видимо, является шея. Как поется в старинной студенческой песне: "Ах шея, шея, шея, а ниже шеи бок, и коль увидишь шею, увидишь и пупок. И кое-что еще, о чем не пишут в школе, и кое-что еще, о чем не говорят..." Никаких пупков – кимоно глухое, как скафандр, но зато как сидит... И, в общем, сидеть ему особенно не на чем – не Софи Лорен, это уж наверняка, но все равно –

сказка. В руках – шелковый зонтик на деревянном основании, на спине бант немислимый, которым завязан оби – традиционный пояс, а что на ногах – так это не передать! В этих колдовках и в этом кимоно – чтобы передвигаться, надо быть настоящим артистом. У гейш имеется язык причесок. Прическа нашей говорила, что она молода, что не имеет постоянного патрона и что она в этом смысле еще в свободном полете. В это время разразилась, наконец, гроза, гейша со спутником зашли под навес керамической лавки, стало темно, свежо и желтый свет фонарей можно было принять за колеблющийся свет лампад. Пора идти читать Сэй-Сенагон...

Дождь хлестал, как из ведра, надо было что-то есть. Японская еда – это отдельная тема. Все тут продумано, если ешь мясо или рыбу – полагается к этому васаби и маринованный имбирь. Иначе как все это переварить? Едят в основном свинину, говядину – мало. Хотя, по слухам, именно в Японии выращивается самая дорогая говядина, по 300\$ за килограмм. Коров этих поят sake и натирают пивом, или наоборот. Судя по борцам сумо, японцы знают толк в откармливании. Но говядину попробовать не удалось. Так же, как и мечту суицидника – ядовитую рыбу фугу. Но вот все нормальные "яки" – это пожалуйста, это здорово, ведь "яки" означает "жареное". Терияки – соус к жареному. Кушать надо там, где не выставлены в витринах портреты еды, а уж если выставлены, то порциями человеческих размеров. Чем меньше муляж, тем ресторан дороже. Желательно просто найти забегаловку, где при тебе зажарят на открытом огне креветки, мясо, зелень, и все это зальют отваром мисо супа. Мисо суп – это суп из ферментированных бобов с добавкой, как правило, морской капусты. Его едят чаще, чем у нас борщ, маленькими фарфоровыми ложками, и он, как

правило, не открывает, а заканчивает еду. Для справки: ферментированные бобы – это просто слегка подгнившие. Но так же буряты едят омуль, шведы – селедку, а китайцы – яйца; видно, есть в этом что-то. Вообще-то японская пища проста и не слишком экзотична, никто муравейник на сковородку класть не станет, ну, максимум – суши с гениталиями морского ежа можно попробовать; назовем их для простоты икрой, так как-то спокойнее...

Раньше, как мне казалось, у японцев были проблемы с выпивкой. После первой рюмки они развязывают галстук, после второй раскосые глаза сходятся, после третьей можно выносить... Ребята не виноваты, у них нет какого-то фермента, расщепляющего алкоголь. Если фермента нет, значит его надо купить, на худой конец – выработать. Нас пригласили в ресторан. Приходишь, платишь 20\$ – и можно пить столько, сколько влезет, "all included". Я ушам не поверил, спрашиваю у Цутому Секигучи: это как же?! Цутому, большой знаток вин и гурман, объясняет, что есть маленькая хитрость: пить можно, сколько хочешь, но в течение двух часов. И весело смеется: все, мол, не так просто, и учтено местным бизнесом. Цутому, ты прекрасный математик, замечательный скрипач, и Бордо 1982 года было неподражаемым... – Цутому, за два часа в России в этом ресторане выпьют все, включая жидкость для мытья рук!.. Так что если кому в Токио не хватит, я могу дать адрес, где наливают и собираются настоящие бойцы, способные все два часа вести задушевную беседу. Кстати, японского виноградного вина нет, так как виноград традиционно разводится для еды, а не для души, и напоминает сливу средних размеров.

То, что Япония стоит одной ногой в 22-м веке, а другой в 17-м – общеизвестно. Создания чуждого нам разума встречаются на каждом шагу – говорящие автобусные остановки, бензоколонки, шлагбаумы, машины, лифты, сортиры. Это какой-то кошмар, иногда чувствуешь себя лишним в мире зву-

чащих машин. Японцу, наверное, приятно, когда остановка говорит ему, что автобус задерживается и придет не через 3, а через 3,5 минуты. По сравнению с японской упорядоченностью немцы отдыхают, а русские и евреи вообще исчезающе ничтожны...

Подходим к автобусной остановке, жара, тяжелые сумки, спрашиваем: "Здесь идет автобус на Цукубу?" "Нет", – говорит приличного вида мужик. Неужели опять тащиться с багажом в информацию по палящему солнцу? "А где?", – спрашиваю, с тоской вглядываясь в далекие платформы метрах в 300. Мужик смотрит под ноги, и мы замечаем три полосы желтого, красного и синего цвета, с интервалом примерно сантиметра 3 между ними. "Вам туда", – говорит японец и показывает на синюю полосу, сантиметрах в 10 от моей ноги. "Куда?!" – "Туда", – говорит японец, удивляясь моей недогадливости. А я уже все понял, запад есть запад, восток есть восток... Захотелось в отместку рассказать ему любимый анекдот: "Туу тикетс ту Даблин! – Куда, блин? – Туда, блин!" Ведь не поймет, зараза, а жаль...

Я как-то водил профессора Абе по Эрмитажу, год был довольно еще голодный, кажется, 89-й. Абе, человек, создавший в математике не одну теорию, обладает какой-то изысканной вежливостью и тактом. Я спросил, чем отличается традиционный японец от нового. Абе улыбнулся и сказал, что количеством стульев в доме; потом улыбнулся еще раз и добавил: "У меня лично нет ни одного".

Традиционность состоит еще и в том, что в гостях принято отвечать "да" на любое предложение хозяев. Это надо знать и ничего особенно дурацкого не предлагать. Не забуду, как на Телецком озере на одной из конференций мы пошли в выходные в алтайскую тайгу. По дороге встречаем Еичи в костюме и хорошей обуви. Я спросил по привычке, не хочет ли он пойти с нами, и получил в ответ, естественно, "да". Дошли до первой медвежьей берлоги и повернули назад; не всегда в костюме дело...

Так вот, в Эрмитаже – 450 комнат; мы посмотрели 449, одна была закрыта – японской культуры...

Пунктуальность – страшная сила. Еичи говорит: "Кушать хочу". Нет проблем, в Эрмитаже есть буфет с меню из трех блюд: сок облепиховый, икра кабачковая и пирожок творожный, сочень. Как сказали бы путеводители – блюда local, т.е. местные, больше нигде такого не встретишь. И в самом деле, кто таким кормить будет! Еще бы по отдельности, но вместе... Поели мы с Абе, после обязательных "вкусно", "хорошо" и "спасибо", Абе говорит: "Кушать хочу". Блин! Видно, придется кормить... Пошли мы через арку

Главного штаба в ресторан Кавказский. В ресторане возникает халдей, смотрит с сомнением на меня, потом с воодушевлением на Абе, его лицо озаряет искра разума, и он растворяется со словами: "Я все понял, вам все самое лучшее – харчо, шашлычок, тархунчик..." Я крепко сжал в одном кармане последнюю десятку, в другом – кукиш, и стал ждать. Поели, халдей приносит счет: девяносто один рубль. Абе прекрасно понимает все, говорит с улыбкой: "Вы мой гость сегодня", – и дает сотню халдею. Мы сидим, болтаем, ждем. И я понимаю, что Абе ждет сдачи, так как на счете не было написано, что чаевые столько-то процентов, а значит – должна быть сдача... Захожу на кухню, достаю десятку из кармана, с широкой улыбкой приношу ему сдачу... чувствуя себя круглым болваном во всех смыслах. Так я до сих пор и не знаю, понял ли тогда Еичи нашу родную дурость или нет... Хотя в разговоре между собой японцы зачастую очень даже определены и жестки. Не зря в японском

все знаки проговариваются вслух, как в азбуке Морзе. Вы будете завтра – вопросительный знак – ? Нет! – знак восклицательный.

15 августа мы поехали в Нару. Нара была столицей еще до Киото, в ней находится самый большой в мире деревянный дворец, а в нем сидит самый большой японский Будда. Неподалеку от Будды имеется колонна с дыркой – считается, что надо пролезть через нее, чтобы сбылись самые заветные желания. Я посмотрел на дырку и понял, что самым заветным является желание постройнеть, а там разберемся. Кроме того, наблюдается синдром Винни-Пуха – хоть голова проходит, но задница может закупорить наглухо японское чудо на неделю минимум, пока не похудеет. Плюс еще шнурковая болезнь, да и выступления, которыми можно зацепиться в дыре, вроде еще не отпали. Видимо, на лице были написаны глубокие раздумья, так как подошел японец и сказал, что нос – единственное, что у меня туда пролезет. А говорят, у японцев плохо с юмором...

Нару населяют олени, они живут там с незапамятных времен. Олени очаровательные и совершенно ручные. Смотрят волооками глазами, лежат, тыкаются носом в свои собственные шкурки, которые продаются в многочисленных лавках. С этим тут строго: меланхолия меланхолией, а бизнес есть бизнес.

Оказалось, что 14-15 августа в Наре праздник Тысяч Фонарей. Нам повезло, нам действительно повезло – это необыкновенное зрелище. В Наре находится Касуга-тайся, храм 2000 каменных лампад. Согласно синто, этот храм перестраивали каждые 20 лет, выполняя обряд очищения. 15 августа лампы зажигаются, образуя нескончаемую ведущую в гору светящуюся линию. В самом храме монашки в белом с розовым одеядах и с чубчиками из цветов на голове продают бумажные фонари. Темнеет. На полянах зажигаются многие тысячи заранее расставленных свечей. Их мерцающий свет перекликается с глазами оленей и монашек. Все ждет восьми вечера.

Ровно в восемь мэр Нары вместе с монахом из Касуга-тайся зажигают ритуальный костер на специальной поляне. В ответ на склоне горы вспыхивают кострами светящиеся иероглифы Даймондзи. Это дао, т.е. путь познания. Надо спешить к главному храму, Тодай-дзи. Храм открыт, и тысячи людей идут к бронзовому Будде. Поток движется среди струй желтого света. Будда уже поднял правую руку с наклоненным указательным пальцем. Это "уже" длится 12 столетий...

Время идет, и раздаются звуки флейты. Время идет?... Флейта уносит далеко-далеко... Время замирает...

